

Глава 2. Руины Небесного Столпа в розовом снегу

Над землей простирались девять небесных сфер, в недрах таились шесть подземных обитателей, а прямо посередине — зажатый между твердью и высью — лежал суетный Мир Смертных. О подземных краях речь пока заводить не станем; что же до небес, то первые восемь сфер делили между собой заклинатели и свободные бессмертные со всех миров. Девятое же небо, Чэнтянь, высившееся над ними, безраздельно принадлежало богам.

Именно там, на седьмом небе, в Мире Девяти Великолепий, и суждено было родиться Ся Цзинго. Своим именем этот мир был обязан девяти Небесным Столпам — подпорам мироздания, взрезавшим его высь. Охранять эти священные опоры Творец заповедал Школе Девяти Великолепий. Она процветала без малого десять тысяч лет; основанная первыми великими праведниками ради защиты Столпов, она унаследовала имя самого мира. Пожалуй, в своей близости к Обители Богов адепты этой школы превосходили любого праздного отшельника или земного заклинателя.

Но чем ближе ты стоишь к заветным чертогам божеств, тем дальше от тебя суетный земной дол, где духовная энергия скудна и тонка, словно утренний туман.

В ученики Школа Девяти Великолепий принимала лишь тех, чья душа безраздельно принадлежала Дао, а тело было одарено редчайшим талантом. Ся Цзинго приходился сыном самому главе ордена, Ся Цинлу. И хотя природа обделила юношу дарованием, коим блистали его сверстники, держали его в ежовых рукавицах. День за днем его изнуряли чтением даосских канонов и многочасовым созерцанием, так что о нравах земного люда он имел представление самое туманное.

Тщательно перетряхнув скудные познания о мирской жизни, Цзинго наконец припомнил случайный разговор со своим пятым дядей-наставником, Юнь Лумином. Тот как-то обмолвился, что обнищавшие смертные, не имея за душой ни гроша, в благодарность за спасение жизни обычно «предлагают себя» избавителю.

Конечно, в стенах Школы Девяти Великолепий обитали лишь отрешенные от земных страстей праведники. Даже те немногие, кто решался связать свои судьбы узами дао-союза, никогда не опускались до крикливых заверений о вечной преданности плоти и духа. В тот раз Юнь Лумин просто сболтнул лишнего и, заметив любопытство ребенка, поспешил замять тему туманными объяснениями и перевел разговор на другое. Потому Ся Цзинго и не подозревал о скрытом, чувственном подтексте этих слов. В его понимании все выглядело просто: среди обычных людей так было принято, и точка.

К тому же он свято верил в незыблемость заповеди: тело, волосы и кожа дарованы нам родителями и священны. Смертные, как он слышал, заменяли казнь отсечением пряди волос, выкупая тем самым собственную жизнь. Рассудив по аналогии, юноша пришел к выводу: «отдать себя» — это не что иное, как вручить свою судьбу в руки спасителя. Мол, отныне моя жизнь принадлежит тебе, и, если придет беда, я без раздумий заслону тебя своим телом.

«Вдобавок на дворе лютый мороз, да и в самом Море Смертных, поговаривают, нынче беспокойно, — размышлял Цзинго. — Я ведь беспмятно пролежал невесть сколько дней. Не окажись этого человека рядом, я бы уже давно испустил дух. Он подарил мне жизнь, и мой долг — вернуть его сполна»

Придя к столь благородному выводу, Ся Цзинго почтительно сложил ладони у груди и звонко, отчетливо произнес:

— Спаситель мой, столь великое благодеяние мне нечем возместить. Отныне я готов всецело отдать себя в твою волю. Молю, не побрезгуй моим скромным подношением...

Он еще не успел договорить свою на редкость серьезную тираду, как заметил, что его спаситель — доселе бесстрастный и холодный — стремительно разгневался.

Юноша озадаченно моргнул.

Мужчина, до этого сидевший на корточках, резко поднялся на ноги. Он не проронил ни звука, и Цзинго ничего не оставалось, кроме как растерянно задирать голову, глядя на своего избавителя снизу вверх.

Фэн Фулин меньше всего ожидал от этого хрупкого, благообразного юноши столь неслыханной наглости.

«Отдать себя?» Какая нелепость.

Сам Владыка Демонов отличался редкой, хищной красотой. В те времена, когда он кочевал по белу свету вместе с Сян Жуном, ему не раз доводилось сталкиваться с навязчивым вниманием. Но то были легкомысленные девицы — на их кокетство можно было просто закрыть глаза. Чтобы его бесстыдно домогался юнец, который к тому же выглядел моложе его самого... Такого в его жизни еще не случалось.

В первое мгновение, когда Фэн Фулин вскочил, в нем проснулось яростное желание швырнуть наглеца на пол и выбить из него эту дурь. Сдержал он себя лишь потому, что натолкнулся взглядом на миндалевидные глаза Ся Цзинго. В них не было ни капли пошлости или лукавства. Этот обезоруживающе искренний взор лучился такой детской безмятежностью, словно юноша произносил не бесстыдный вздор, а приносил нерушимую клятву верности перед лицом небес. Эта непреклонная чистота заставила Фэн Фулина на секунду замешкаться.

И все же... Мужчина предлагает себя мужчине? Бред какой-то. Неужто этот недотепа путает мужской пол с женским?

«Даже если ты балуешься обрезанными рукавами, — раздраженно подумал Фэн Фулин, — у меня к этой страсти влечения нет»

— Мне это без надобности, — отрезал Фэн Фулин.

Пожалуй, лишь из-за обезоруживающего простодушия мальчишки Владыка Демонов проявил редкое великодушие и не стал превращать его лицо в кровавое месиво.

Ся Цзинго, разумеется, и не догадывался, по какому тонкому льду только что прошел. Услышав столь резкий отказ, он ничуть не смутился — ведь истинный смысл своих слов он понимал по-своему. Юноша лишь подумал: «Должно быть, мой благодетель счел такую плату чрезмерной и потому не пожелал принимать ее. Но отчего же он тогда так разгневался?»

Он смотрел с искренним недоумением.

«Неужели я где-то оговорился?»

Он мысленно перебрал все свои слова и жесты, но не нашел в них ни единого изъяна — все было исполнено по строгим правилам приличия. И все же сердитый вид спасителя говорил об обратном. Как бы то ни было, отплатить за спасение он был обязан. Навязывать свою волю человеку, который столь решительно ее отверг, Цзинго не собирался. Значит, оставалось лишь затаить признательность в глубине души и ждать подходящего случая.

— Что ж, если так... — кротко произнес Цзинго. — Могу ли я хотя бы узнать имя моего спасителя?

Фэн Фулин, решив, что приставучий юнец все еще лелеет свои непристойные замыслы, нахмурился пуще прежнего. Он лишь сильнее сжал в кулаке грубое полотенце. Некогда теплое, на пронизывающем морозе оно быстро остыло и теперь обжигало ладонь ледяным холодом, от которого немели пальцы.

— Наша встреча — лишь случайность. Уходи, — холодно бросил он.

«Да что же с ним такое? Спросил имя — а он разозлился пуще прежнего», — совсем пал духом Ся Цзинго. Раз уж его просили удалиться, оставаться силой не позволяло воспитание.

Он низко поклонился и проговорил:

— Имя мне Ся Цзинго. Твоя милость безгранична, и пусть сейчас мне нечем отплатить за спасенную жизнь, помни: если когда-нибудь тебе понадобится моя помощь, только назови имя, и я приду.

Вместо ответа Фэн Фулин лишь пренебрежительно фыркнул.

На душе у Цзинго заскребли кошки. Впрочем, за всю свою жизнь он натерпелся столько обид,

что еще одна, пускай и от собственного избавителя, не могла надолго выбить его из колеи. Справившись с чувствами, он повторил поклон и направился к выходу, по пути вежливо распрощавшись с двумя другими обитателями лачуги.

Стоявший у постели юноша смерил его тяжелым, неприязненным взглядом. Больная девочка, напротив, смотрела кротко, но ее изможденный, чахлый вид вызывал лишь жалость. Цзинго невольно задержал на ней взор. Заметив это движение, парень тут же заслонил сестру собой, напрягшись всем телом, будто перед ним стоял свирепый хищник, готовый к прыжку.

Цзинго лишь молча подивился такой враждебности. Ему хотелось повнимательнее присмотреться к девочке — возможно, он сумел бы распознать недуг, приковавший ее к постели, — но испытывать терпение ее защитника не стал и поспешил к двери.

Впрочем, уходить далеко он не планировал. Какой толк от благодарности, если ты сбежишь на край света? Долг платежом красен, и только вернув его, можно вновь обрести былую легкость духа и свободу. К тому же отец, отправляя его в Мир Смертных, не оставил ни единого напутствия. Куда податься — бог весть. Так почему бы не обосноваться поблизости от своего спасителя?

Была у него и еще одна, куда более глубокая забота. Внешне Цзинго оставался безмятежным, но мысли его были далеки от покоя.

«Говорят, те, чьи духовные силы слабы, после прохождения через пространственные врата могут бредить сутками напролет, — тревожился он. — Интересно, сколько времени я пробыл без чувств? Все эти дни я не медитировал... Неужели те жалкие крохи духовной энергии, что мне с таким трудом удалось собрать, окончательно испарились? Нужно поскорее отыскать укромный уголок, где скапливается сила земли, и проверить, сколько во мне осталось жизни»

Обычный заклинатель никогда бы не озаботился подобным вздором. Но Ся Цзинго «повезло» родиться с телом, чье убожество граничило с чудом: он обладал мертвым телом пяти стихий — изъязном столь редким, что в Мире Девяти Великолепий о таком не слыхивали добрую тысячу лет.

Каждое живое существо, будь то великий бессмертный или простой смертный, от рождения несет в себе зачатки стихий — металла, дерева, воды, огня или земли. Если плоть человека гармонирует с какой-то из них, он без труда осваивает соответствующую магию и быстро движется по пути самосовершенствования.

Беда Цзинго заключалась вовсе не в том, что его меридианы отвергали первоэлементы. Нет, дело обстояло куда хуже. Если представить одаренного заклинателя как объемистый сосуд с узким горлышком, способный веками хранить накопленную силу, а обычного человека — как плоскую глиняную флягу, то тело Ся Цзинго напоминало дырявое решето. Любая искра духовной энергии, которую он извлекал из пространства во время медитаций, не задерживалась в его каналах и на минуту — она беспрепятственно утекала сквозь пальцы, растворяясь в воздухе.

С какими бы стихиями он ни пытался совладать, итог оставался неизменным. Увечье Ся Цзинго крылось не в скудоумии и не в отсутствии старания — его дух был крепок, но сам земной остов оказался дырявым кувшином. Будь у него просто слабое сродство с энергией природы, старейшины Школы Девяти Великолепий легко исправили бы это с помощью редчайших снадобий и пилюль. Однако восстановить разрушенное основание не мог даже самый могущественный бог. Зная о своем проклятии, Цзинго торопился остаться наедине с собой и оценить масштабы бедствия.

Только юноша протянул руку к дверному засову, как над его головой раздался оглушительный треск. С крыши, грохоча и цепляясь друг за друга, посыпались глиняные черепицы. Цзинго испуганно обернулся: пол лачуги устилали обломки, а в потолке зияли две глубокие бреши, сквозь которые в комнату с воем ворвался ледяной ветер. Какая неведомая сила могла с такой легкостью пробить кровлю?

«Пронесло», — с облегчением подумал он, косясь на спутников.

Остальные тоже застыли от неожиданности, а больная девочка даже попыталась приподняться на своем ложе. К счастью, никто не пострадал. Рухни эти тяжелые глыбы на кого-то из них — переломов было бы не избежать.

Решив, что снаружи бесчинствуют разбойники, Цзинго рывком распахнул хлипкую дверь и... замер на пороге, пораженный увиденным.

С неба летели огромные, похожие на лебяжий пух хлопья нежно-розового снега.

Розовые хлопья всех оттенков, от бледного румянца до густого багрянца, кружились в неистовом танце. Бушующий северный ветер разносил тонкий, едва уловимый запах свежей крови. Повсюду на землю сыпались осколки белого камня и мелкая каменная пыль, окрашивая измученный мир в зловещие тона. Опомившись, Цзинго выбежал во двор и торопливо подобрал один из упавших осколков. Тот был совсем крохотным. Осмотрев его, юноша прошел дальше и поднял другой кусок, покрупнее.

— Да ты с ума сошел! — раздался яростный окрик Сян Жуна. — Жизнь надоела, под каменный град соваться?!

Юноша бесцеремонно ухватил Цзинго за шиворот и втащил обратно под укрытие навеса.

Цзинго даже не обернулся. Он лишь медленно разжал окоченевшие, покрасневшие от стужи пальцы. На его ладони лежал обломок белоснежного мрамора, украшенный резьбой в виде священных облаков. От камня исходила едва заметная, но до боли знакомая духовная сила.

Это был камень Небесного Столпа.

Ся Цзинго застыл, не в силах отвести потрясенного взгляда от небесного свода, откуда вместе с безумной розовой метелью продолжал сыпаться град бесценных осколков.

«Что же стряслось с моим родным Миром Девяти Великолепий?..» — с замиранием сердца подумал он.

<http://bllate.org/book/20066/2028451>